

*Иногда увидеть лицо врага —
значит понять, что лица нет.*

КАРТОГРАФЫ ПУСТОТЫ

МАРК ДАЛЕН

18+

Марк Дален

Картографы пустоты

«Автор»

2026

Дален М.

Картографы пустоты / М. Дален — «Автор», 2026

Двадцать лет назад Кэйн Варро вернулся один. Его экипаж исчез за секунду — без тел, без следов, без объяснения. С тех пор он водит корабль по дальнему космосу в одиночку и ни к чему не привязывается — чтобы нечего было терять. А потом приходят анонимные координаты. Сектор Эреб-49 — пустой на всех картах, мёртвый на всех приборах, место, откуда за три года не вернулся ни один картограф. То самое место, что когда-то забрало его людей. Кэйн летит туда за ответом, которого ждал двадцать лет. Он ещё не знает, что в этой пустоте он окажется не один — и что найдёт совсем не то, к чему готовился.

© Дален М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Игла в стоге космоса	5
Глава 2 Шесть имён	9
Глава 3 Рынок на краю	12
Глава 4 Контракт с собой	16
Глава 5 Источник	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марк Дален

Картографы пустоты

Глава 1 Игла в стоге космоса

Люди летали к звёздам уже двести лет и давно перестали этим гордиться. Термоядерные буксиры таскали руду с поясов, лайнеры везли колонистов на терраформированные луны, военные патрулировали торговые коридоры. Космос стал тем же, чем когда-то были океаны — дорогой, опасной, необходимой средой. Романтика выветрилась ещё в первом поколении. Осталась работа.

Я был частью этой работы. Картографы шли первыми — туда, куда буксирам и лайнерам ещё нельзя, потому что никто не знает, что там. Звучит героически. На практике — восемь дней в одиночестве, холодный кофе и зонды, которые иногда не возвращаются.

В реестре моя профессия называлась «навигационный картограф первого класса». На Лимбе нас называли просто — первопроходцы. Без иронии, без пафоса, просто термин. Мы шли туда, куда не было карт, делали карты и возвращались. Потом туда шли буксиры, потом исследователи, потом колонисты, если находили что-то стоящее. Мы были первыми и поэтому невидимыми — к тому моменту как место получало название и население, о нас никто не вспоминал.

Меня это устраивало. Я не хотел, чтобы помнили.

* * *

Сол разбудил меня за четыре часа до выхода на орбиту. Как всегда — без предупреждения, без вежливого нарастания света. Просто резкий сигнал и тихий голос из динамика над койкой:

— Кэйн. Подходим к сектору Дельта-14. Расчётное время до финальной точки картографирования — три часа сорок две минуты.

— Понял, — сказал я потолку.

Потолок не ответил. Сол уже переключился на что-то более важное — проверял реакторные показатели или считал гравитационные градиенты. Сол никогда не здоровался и никогда не прощался. Просто начинал говорить, когда было что сказать, и замолкал, когда сказать было нечего. Это была лучшая черта его характера. Второй по важности была привычка делать паузу перед неудобными ответами — не потому что думал дольше, а потому что я однажды сказал ему, что ценю момент тишины перед плохими новостями. Он запомнил. Не потому что заботился. Потому что это был параметр взаимодействия, который я установил. Мы оба понимали разницу.

Я иногда завидовал его умению немедленно заниматься следующей задачей. Без паузы, без того, чтобы полежать ещё три минуты, глядя в металлический потолок и вспоминая, зачем вообще просыпаться.

* * *

«Игла» — малый разведчик класса 7, шесть лет под моим управлением, восемнадцать до этого под чужим. Весь жилой объём — двенадцать метров от кормовой переборки до носового шлюза. Каюта, совмещённая с рубкой управления, крошечный санузел и технический отсек,

куда я заходил только когда что-то ломалось. Стены покрыты слоем акустического композита — чтобы гасить вибрацию двигателя. Помогало не очень.

На крейсерском ходу «Игла» гудела на низкой ноте, почти на пороге слышимости — не раздражающе, но постоянно. Как чужое дыхание в тёмной комнате. За шесть лет я перестал это замечать. Иногда мне казалось, что это плохой знак. Корпус в трёх местах заварен не по стандарту, левый маневровый двигатель при разгоне чуть подвывал на третьей секунде, а система рекуперации воздуха периодически выдавала запах горелой пластмассы, который я за полгода так и не смог локализовать. Я её не любил. Я с ней работал. Это была правильная установка для этой работы.

Импульсный термоядерный — не то, что показывают в развлекательных голограммах. Никакого рёва, никакого огненного хвоста. Реактор сжимает дейтериево-гелиевую смесь до температуры звезды, выбрасывает плазму через магнитное сопло — и «Игла» медленно, методично набирает скорость. Первые сутки разгона почти не чувствуются. На третьи — корпус начинает чуть скрипеть на стыках переборок, будто корабль недоволен. Через неделю непрерывного ускорения мы достигали пяти процентов от световой. После этого двигатель глушился и мы просто летели — бесшумно, в никуда, пока гравитация следующей системы не начинала тянуть нас к себе.

* * *

Картографирование — не то, чем оно кажется людям, которые смотрят на красивые голографические карты в новостях. Зонды серии Б — цилиндры полметра длиной, матово-серые, без опознавательных знаков. Внутри — навигационный блок, гравитационный сенсор, термоядерный микрореактор на восемьдесят часов работы и передатчик квантовой запутанности. Уходят в темноту бесшумно — «Игла» выплёвывает их через кормовой шлюз по одному, с интервалом в двенадцать минут. Они не возвращаются физически. Передают данные и умирают там, в темноте. Я старался об этом не думать — у меня их на борту было сто восемнадцать штук.

Сол считает траектории, я проверяю его работу — не потому что не доверяю, а потому что контракт требует живой подписи под финальным отчётом. Живая подпись стоит дороже.

Я вышел из каюты, прошёл три метра до рубки, сел в кресло и налил себе кофе из термоса. Заваривал я его раз в сутки и грел один раз — дальше он остывал в термосе, а гонять подогрет ради одной кружки не тянуло, да и вкуса я в нём давно не искал. Кофе был холодный. Я его выпил.

* * *

— Сол, сводка по сектору.

— Дельта-14, астероидный пояс класса С. Картографирование завершено на девяносто два процента. Осталось восемнадцать объектов в зоне повышенной гравитационной нестабильности. Рекомендую дополнительный проход зондами серии Б перед финальной верификацией.

— Уже закладывал это в план. Что по связи с Лимбом?

— Последний пакет получен четыре часа назад. Ничего срочного. Есть одно сообщение с пометкой «личное», источник не идентифицирован.

Квантово-запутанные ретрансляторы стояли по всем освоенным маршрутам — цепочка узлов, через которую сигнал шёл мгновенно. Пока ты в сети. На краю освоенного пространства сеть заканчивалась — и начиналась настоящая тишина. Не тишина отсутствия звука. Тишина отсутствия присутствия. Никаких новостей, никаких контрактных запросов, никаких сообще-

ний от людей, которых я почти не знал. Я работал на краях намеренно. Мне нравилась эта тишина.

Анонимное сообщение нарушало её сразу в нескольких смыслах.

— Анонимное?

— Корректнее сказать — намеренно скрытый источник. Использован ретранслятор через три узла. Отправлено восемнадцать часов назад.

— Покажи.

Сообщение было коротким. Никакого текста — только координаты и одна строка:

«Там были пятеро. Никто не вернулся. Ты знаешь почему.»

Я долго смотрел на координаты. Сол молчал — он умел молчать, когда я думал. Это было единственное его качество, которое я ценил по-настоящему.

Координаты я знал. Не потому что видел их раньше — потому что сектор имел название в старых военных реестрах. Название, которое я не произносил вслух уже двадцать лет.

Эреб-49.

* * *

Восемь дней до конца контракта. Потом Лимб, стандартная выплата, неделя на орбитальной станции, пока Сол гоняет плановую диагностику.

Лимб — официально RS-Orbital 7, последний крупный узел перед пустотой. Это название не использовал никто. Лимб — потому что туда попадают между. Между контрактами, между жизнями, между тем, кем был, и тем, кем станешь. Восемь тысяч постоянного населения и столько же временного. Картографы, инженеры буксиров, контрабандисты с документами прикрытия, беженцы с умирающих колоний, которым некуда больше лететь.

Корпорация «Гелиос» держала там торговый узел и офис найма. Военные — небольшой гарнизон, который делал вид, что контролирует ситуацию. Никто ничего не контролировал. Это было честно.

Я возвращался туда после каждого контракта, проводил неделю в одной и той же каюте среднего яруса и улетал снова. Лимб не был домом. Но у меня не было другого слова для этого места.

«Гелиос» начинал как добывающая компания — астероидные пояса, редкоземельные металлы, стандартная история. За сто лет вырос во что-то большее и менее определённое. Картографические контракты, частные исследовательские экспедиции, консалтинг для военных по вопросам «освоения новых территорий». Официально — корпорация. Фактически — одна из нескольких сил, которые реально делили между собой то, что лежало за границами официальной юрисдикции. Я работал на них дважды. Оба раза пожалел. После этого брал только независимые контракты через реестр.

* * *

Потом новый контракт — скорее всего, такой же: пояс у какой-нибудь звезды, зонды, гравитационные градиенты, холодный кофе.

Я закрыл сообщение.

Открыл снова.

— Сол, — сказал я. — Рассчитай маршрут от Лимба до сектора Эреб-49. Неофициально, вне текущего контракта.

Небольшая пауза. Сол не умел удивляться, но иногда его паузы были красноречивее слов.

— Расчёт выполнен. При выходе с Лимба через стандартное окно — двадцать три месяца до цели с учётом разгона и торможения, около двадцати одного из них в криосне. Топлива

достаточно с запасом. Однако должен отметить: сектор Эреб-49 не входит ни в один действующий картографический контракт. Полёт туда будет считаться внеплановым.

— Я понял.

— Также должен отметить, что в базах данных Навигационного реестра сектор Эреб-49 помечен как «зона повышенного риска, рекомендован обход». Пять картографических миссий за последние три года. Нулевой процент возврата.

— Я понял, Сол.

— Просто убеждаюсь, что у тебя есть вся информация.

— У меня есть вся информация.

Почти два года в криосне — дольше любого из моих прежних рейсов. Сам по себе криосон был мне привычен, я прошёл через него сорок с лишним раз. Это не сон — тело охлаждается до четырёх градусов, сердце бьётся раз в минуту, метаболизм падает до двух процентов от нормы. Медики называют это контролируемым аноксобиозом — состоянием, которое организм воспринимает примерно как смерть, только временную. Просыпаешься с привкусом металла во рту и ощущением, что тебя долго жевали. Первые полчаса пальцы не слушаются. Потом отходишь. Привыкнуть невозможно. Можно только перестать бояться.

Я снова посмотрел на координаты. За иллюминатором медленно вращался астероид — серый, бесформенный, совершенно неинтересный. Восемь дней я смотрел на такие камни и думал ни о чём. Это была хорошая работа. Спокойная работа.

Я убрал сообщение в защищённую папку и встал.

— Запускай зонды серии Б, — сказал я. — Заканчиваем здесь.

Сол запустил зонды. Я допил холодный кофе.

Но координаты я не удалил.

Глава 2Шесть имён

Зонды уходили один за другим, и я смотрел на их сигналы через навигационный экран, пока не поймал себя на том, что считаю. Не зонды. Точки на экране. Семь точек — столько было активных маяков на «Аресе» в тот день. Потом шесть. Потом пять. Я помню, как следил за этим с внешней обшивки, в скафандре, с инструментом в руке, который уже не имел смысла держать.

Я отвёл взгляд от экрана. Взял термос, обнаружил, что он пустой, поставил обратно.

Двадцать лет — достаточный срок, чтобы научиться не смотреть на семь точек. Недостаточный, чтобы разучиться считать.

* * *

«Арес» был старым военным разведчиком, переведённым в картографический реестр после модернизации. Мы называли его Старик — не из сентиментальности, просто он скрипел на разгоне как что-то очень старое и очень упрямое. Экипаж семь человек. Маршрут — картографирование окраинного сектора, три недели, ничего особенного.

Я был самым младшим. Двадцать шесть лет, первый самостоятельный выход в открытый космос, голова полная теорий о том, каким должен быть настоящий картограф. Командир Эйра Солано смотрела на меня с тем выражением, которое опытные люди приберегают для молодых, ещё не понимающих насколько они молоды.

— Варро, — сказала она однажды за ужином. — Ты слишком много думаешь о том, что найдёшь. Думай о том, как вернёшься.

Я кивнул. Я не понял.

* * *

Сол передал очередной пакет данных с зондов. Я принял, не глядя. За иллюминатором астероидный пояс медленно вращался вокруг своей оси — миллионы тонн камня, которым не было дела до того, что я думаю о координатах Эреб-49.

Имя Эйры я не произносил вслух давно. Оно жило в том слое памяти, куда не заходишь намеренно — только случайно, через семь точек на экране или запах озона после проверки скафандра.

* * *

В то утро я вышел на внешний осмотр левого двигательного блока. Плановая работа — небольшая утечка в системе охлаждения магнитного сопла, ничего критичного, час работы максимум. Эйра дала добро. Техник Пааво Хаккинен пошутил что-то про то, что я снова найду способ растянуть простую задачу на три часа. Я ответил что-то в ответ. Не помню что.

Это последнее, что я помню до вспышки. Чужая шутка и мой ответ, который уже не восстановить.

* * *

Вспышка — неправильное слово. Это было не световое явление. Это было как если бы пространство вокруг корабля на секунду стало другим — более плотным, более настоящим

— и потом вернулось обратно. Я почувствовал это через скафандр, через перчатки, через магнитные подошвы, которыми стоял на обшивке. Вибрация без звука.

Потом тишина в эфире.

Я повернулся. «Арес» был на месте. Целый, без видимых повреждений, все огни горели. Я вызвал Эйру — раз, другой, третий. Вызвал общий канал. Вызвал Пааво, вызвал навигатора Лину Чэнь, вызвал механика Рудольфа Берга, вызвал медика Сиддхарта Рао, вызвал второго пилота Амару Диалло.

Семь точек на моём наручном дисплее. Шесть из них перестали отвечать одновременно.

* * *

Сигнал бедствия я запустил в первые минуты — автоматически, не думая, руки сделали сами. Потом стучал в люк сорок минут, прежде чем принял, что никто не откроет. Потом сел на обшивку, спиной к звёздам, и стал считать кислород. Четыре часа запаса. Потом аварийный резерв — ещё три. Итого семь. Патрульный крейсер «Форс» находился в четырёх часах хода — ближайший в секторе. Они успели. Впритык, но успели: вскрыли внешний люк на шестом часу, когда индикатор кислорода уже мигал красным.

Я провёл эти шесть часов, глядя в иллюминатор рубки. Внутри горел свет. Никого не было видно — ни живых, ни мёртвых. Просто пустая рубка с работающими приборами, как будто экипаж вышел на минуту и задержался.

На третьем часу я перестал вызывать по именам. На пятом — перестал думать о спасении. На шестом — просто смотрел.

Когда крейсер вскрыл люк и я вошёл внутрь, первое, что увидел — кружку на пульте у кресла Эйры. Кофе в ней был тёплым. Не горячим — но тёплым, как будто поставили минут двадцать назад, не шесть часов. Я потрогал кружку рукой, снял перчатку, потрогал снова. Офицер с крейсера что-то говорил мне за спиной, но я не слышал.

Я не нашёл этому объяснения тогда. Не нашёл и потом — ни в официальном отчёте, ни в собственных записях, которые вёл первые годы, пока не бросил. Тёплый кофе в пустом корабле через шесть часов после того, как все исчезли. Маленькая деталь, которая не вписывалась ни в одну версию. Я убрал её в ту же папку, что и шесть имён — туда, куда не заходишь намеренно.

* * *

Я знал шесть имён наизусть. Не потому что старался запомнить — потому что забыть не получилось, сколько ни пробовал. Эйра Солано. Пааво Хаккинен. Лина Чэнь. Рудольф Берг. Сиддхарт Рао. Амару Диалло.

Официальная версия — аномальная гравитационная волна неустановленного происхождения. Биологические объекты не обнаружены. Кэйн Варро, навигационный картограф второго класса, выживший, причина выживания — нахождение вне корабля в момент инцидента.

Причина выживания. Как будто это была причина, а не случайность. Как будто у случайности бывают причины.

Двадцать лет я задавал этот вопрос пустоте. Пустота не отвечала. Это было честно с её стороны — у неё не было ответа, и она этого не скрывала.

Теперь у меня были координаты места, где, возможно, ответ всё-таки существовал.

Я открыл защищённую папку. Посмотрел на Эреб-49. Закрыл. Встал, прошёл три метра до технического отсека, проверил скафандр — просто чтобы занять руки. Кислородные баллоны после последней заправки на Лимбе были полные. Я застегнул крепление, повесил скафандр обратно и вернулся в кресло.

За иллюминатором зонды продолжали уходить в темноту — один за другим, методично, без возврата.

Я их больше не считал.

Глава 3 Рынок на краю

Лимб встретил меня так же, как встречал всегда — запахом переработанного воздуха, гулом вентиляции и ощущением, что все вокруг куда-то очень спешат по делам, которые при ближайшем рассмотрении окажутся не особенно важными. Стыковочный отсек среднего яруса был забит под завязку: буксир с рудой из пояса Кеплера занял два соседних шлюза, и его команда — восемь человек в одинаковых оранжевых комбинезонах — курила в коридоре, не обращая внимания на запрещающие знаки. Никто не делал замечаний. На Лимбе знаки существовали скорее как рекомендации.

Я пристыковал «Иглу», передал Солу список диагностических задач на ближайшие трое суток и вышел с одной сумкой. Диагностика была предложением — корабль не нуждался в трёх сутках осмотра. Мне нужно было время подумать, прежде чем принимать решения, которые нельзя отменить в открытом космосе на полпути к Эреб-49.

* * *

Станция строилась в три этапа на протяжении семидесяти лет, и это было видно невооружённым глазом. Старый корпус — узкие коридоры, низкие потолки, трубы коммуникаций открытые прямо над головой — переходил в средний ярус с более высокими сводами и торговыми секциями, а тот упирался в новый блок с просторными галереями и панорамными иллюминаторами, через которые было видно звёздное поле. Новый блок принадлежал «Гелиосу» — у них там был офис найма, медицинский центр и три уровня жилых капсул для транзитного персонала. Всё чистое, всё функциональное, всё немного похожее на рекламный проспект.

Я жил в среднем ярусе. Каюта тридцать два квадратных метра, иллюминатор выходил на внутренний двор станции — технический колодец с трубами и кабелями, который никогда не темнел, потому что там постоянно кто-то работал. Я снимал её уже восемь лет подряд, каждый раз когда возвращался. Хозяйка — пожилая женщина по имени Мерта, бывший инженер систем жизнеобеспечения — никогда не задавала вопросов о времени возвращения и никогда не стучала раньше десяти утра. За это я платил на двадцать процентов больше преysкуранта и считал это честной сделкой.

* * *

К Торну я пошёл через торговую палубу среднего яруса — другой дороги к старому ярусу не было, да и ноги после рейса просили размяться. Палубу называли рынком, хотя на рынок в земном смысле она походила мало: два ряда секций вдоль главного коридора, ровный дешёвый свет из вывесок, запах подогретой еды поверх всё того же запаха рециркуляции, которым на Лимбе пропитано всё. Где-то наверху, в вентиляции, посвистывало на одной ноте — посвистывало все восемь лет, что я сюда возвращался, и никто так и не починил. Я давно перестал это замечать; замечал только, когда умолкало.

Торговали тем, что можно увезти. Запчасти с разобранных кораблей, картриджи для био-реакторов, питьевая вода по счётчику, чинёные скафандры без гарантии, сухой паёк ящиками и поштучно. В секциях попроще, под красно-белым знаком «Гелиоса», — то же самое, вдвое дороже и с гарантией. У кого была карта «Гелиоса», шли туда. Остальные — в дальний конец, где гарантий не давали и где за теми же прилавками торговали тем, чего в каталоге не значилось: чужими документами, местом в попутной криокамере до обжитого пространства,

сведениями. Деньги на Лимбе ходили двух сортов — кредит «Гелиоса» и всё остальное, — и по тому, чем человек платил, было видно про него больше, чем по лицу.

У входа на палубу светился вербовочный экран «Гелиоса»: чистые лица, белые комбинезоны, что-то про новые горизонты для первопроходцев и хорошую страховку. Прямо под экраном, на полу, сидел человек в выцветшем лётном комбинезоне без нашивок и продавал инструмент со своего, видимо, последнего корабля — разложил на тряпке гаечные ключи и старый навигационный блок и ждал покупателя. Бывший картограф, по виду. Экран над ним обещал ему будущее, которого у него уже не было. Я прошёл мимо, как проходили все. Не от чёрствости — просто на Лимбе таких историй у каждого с избытком, и чужую разглядывать значило бы признать свою.

Народ кругом был обычный для этого места: команды буксиров, пропахшие реакторной смазкой и громкие после рейса; инженеры между контрактами; беженцы с колоний, которым некуда лететь дальше, — эти сидели у стен со своим скарбом и не торговали, а просто были, занимая место, потому что другого у них не осталось. Кто-то спал. Кто-то ел из общего котла, который держала пара стариков с краю палубы — то ли благотворительность, то ли просто заведённый порядок. Дети — их на Лимбе всегда было больше, чем казалось правильным для такого места, — играли в проходе во что-то своё, ловко уворачиваясь от ног. Я прошёл сквозь всё это, как проходил десятки раз, ни на чём не задерживаясь. Лимб не то место, где задерживаются взглядом: тут смотрят прямо перед собой и идут, куда шли.

* * *

Торна я нашёл там, где он всегда находился между рейсами — в баре «Нулевая отметка» на границе старого и среднего яруса. Заведение существовало дольше, чем средний ярус, и выглядело соответственно: стойка из настоящего дерева — редкость в космосе, кто-то когда-то притащил с Земли или с одной из первых колоний — низкое освещение, несколько столиков привинченных к полу на случай отказа искусственной гравитации. Гравитация здесь не отказывала уже лет сорок, но столики всё равно были привинчены. Традиция.

Торн сидел в дальнем углу с кружкой чего-то тёмного и планшетом, на котором читал что-то явно не срочное — он перелистывал страницы слишком медленно для человека, которому нужна информация. Просто убивал время. Он умел это делать с достоинством, которое я всегда втайне завидовал.

Йорген Торн. Шестьдесят три года, картограф первого класса с тридцатилетним стажем, широкие плечи, которые он так и не потерял несмотря на возраст, и манера смотреть на собеседника чуть дольше чем нужно — не угрожающе, просто оценивающе. Мы познакомились лет пятнадцать назад на какой-то транзитной станции и с тех пор пересекались раз в год-два. Не друзья — но что-то устойчивое, что не требовало объяснений при каждой встрече.

— Варро, — сказал он, не поднимая взгляда от планшета. — Ты на три дня раньше расчётного.

— Закончил досрочно.

— Значит, что-то случилось.

Я сел напротив, поймал взгляд бармена, заказал кофе. Горячий, на этот раз.

— Получил анонимные координаты. Сектор Эреб-49.

Торн наконец поднял взгляд. Планшет лёг на стол экраном вниз.

— Расскажи.

* * *

Я рассказал коротко: координаты, одна строка, пять пропавших за три года. Торн слушал не перебивая, что было на него непохоже — обычно он задавал вопросы по ходу. Когда я замолчал, он несколько секунд смотрел в свою кружку.

— Пятеро, — повторил он. — Я знал двоих. Карта Вессель и Имон Дакари. Карта брала контракты через независимый реестр, Дакари работал на «Гелиос». Оба опытные. Оба молчали о маршруте — что странно, Дакари обычно болтал.

— Откуда знаешь про пятерых?

— Слушаю людей. — Он поднял взгляд. — Ты не летай туда, Варро.

— Почему.

— Потому что пятеро опытных картографов не возвращаются с одного сектора — это не навигационная аномалия. Это что-то другое. И это что-то явно не хочет, чтобы о нём знали — иначе хоть кто-нибудь прислал бы данные.

— Или не смог прислать.

— Именно, — сказал Торн. — Именно поэтому не летай.

Кофе принесли. Я взял кружку двумя руками — она была горячее, и это было приятно без всякой причины. Торн смотрел на меня с выражением человека, который уже принял чужое решение за собеседника и теперь просто соблюдает формальность разговора.

— Этот сектор имеет отношение к «Аресу», — сказал я.

Торн не пошевелился. Не переспросил, не нахмурился — просто смотрел на меня ровно, как человек, которому не нужно время чтобы переварить услышанное. Я запомнил это.

— Ты проверял координаты?

— Нет. Но я знаю это название двадцать лет. И каждый раз когда вижу его в реестре — не могу пройти мимо.

— Картографы не работают по ощущениям.

— Иногда работают. — Я поставил кружку. — Ты знаешь что-то ещё?

Пауза. Торн взял планшет, убрал в сумку, отодвинул недопитую кружку.

— Нет. — Он встал, накинул куртку. — У меня стыковка через час, нужно проверить груз. Удачи, Варро.

Он ушёл. Я смотрел ему вслед и думал о том, что за пятнадцать лет Торн ни разу не уходил первым из бара, если разговор не был закончен. А этот разговор закончен не был.

* * *

Рива Эстес увидела Варро впервые через объектив камеры наблюдения в баре «Нулевая отметка», сектор три, средний ярус. Запись была хорошего качества — «Гелиос» обновил систему наблюдения Лимба два года назад, и теперь можно было читать выражения лиц на расстоянии двадцати метров.

Она смотрела на мужчину за столиком у стены: сорок с небольшим, короткие волосы с сединой на висках, движения экономные — так двигаются люди, привыкшие к маленьким пространствам. Кэйн Варро, навигационный картограф первого класса, независимый контрактник, тридцать семь успешно закрытых миссий. Послужной список был чистым до скуки — никаких нарушений, никаких жалоб, никаких связей с кем-либо интересным. Именно поэтому аналитический отдел обратил на него внимание три недели назад, когда он единственный из активных картографов не удалил анонимный запрос с координатами Эреб-49.

Остальные четверо, кому отправили запрос, стёрли сообщение в течение часа. Варро держал его в защищённой папке. Это означало либо нерешительность, либо интерес — и то и другое делало его полезным.

Рива отметила это в отчёте и получила задание: наблюдение, никакого прямого контакта, доклад при любом движении в сторону Эреб-49. Простое задание для аналитика второго года — стажёрская работа, которую ей дали скорее всего потому что она была единственной свободной на этой неделе.

Она смотрела, как Варро допивает кофе в одиночестве после ухода старика, как кладёт на стойку оплату наличными — не через чип, что было интересной деталью — и встаёт. Потом открыла досье на Йоргена Торна.

Старый картограф с чистой историей, давно знакомый с Варро. На первый взгляд — ничего примечательного. На второй — Торн трижды подавал заявки на картографирование секторов в той же навигационной зоне, что и Эреб-49. Все три раза отзывал заявку в последний момент. Последний раз — семь лет назад.

Рива добавила это в отчёт, поставила пометку «требуется проверки» и отправила куратору.

За иллюминатором её рабочей каюты в новом блоке висело звёздное поле — красивое, далёкое, совершенно спокойное. Она смотрела на него минуту, потом задёрнула шторы и вернулась к работе.

Глава 4 Контракт с собой

Я провёл на Лимбе двое суток — столько же, сколько проводил после любого контракта, и старался, чтобы эти двое суток ничем от прочих не отличались. Спал в каюте Мерты, ел в тех же местах, по утрам пил кофе у иллюминатора, выходящего в технический колодец, и смотрел, как там, внизу, кто-то в сотый раз чинит одну и ту же трубу. Раз сходил в «Нулевую отметку», выпил, ни с кем не разговаривая, послушал чужие разговоры о грузах, ценах и маршрутах — ту ровную станционную болтовню, которая на Лимбе заменяет тишину. Всё как всегда.

Разница была только во мне. Я ловил себя на том, что смотрю на привычные вещи чуть дольше, чем они того стоят, — на исцарапанную стойку бара, на дешёвый ровный свет торговой палубы, на Мерту, которая, не спрашивая, оставляла мне у двери термос. Так смотрят на то, к чему, может быть, не вернёшься. Прямо себе я этого не говорил. Но, уходя, оставил Мерте плату за лишний месяц, которого не будет, — сам не зная зачем. Она взяла, посмотрела внимательно и ничего не спросила. На Лимбе не спрашивают.

На третий день я понял, что давно уже не думаю — просто жду, пока решение само не созреет. Оно созрело за завтраком, когда я смотрел на стакан с водой и вдруг поймал себя на том, что мысленно уже прокладываю маршрут от стыковочного шлюза до навигационного окна выхода.

Решение было принято. Оставалось только сообщить об этом Солу.

* * *

Я вернулся на «Иглу» в середине дня. Сол доложил о завершении диагностики — всё в норме, левый маневровый двигатель по-прежнему подвывает на третьей секунде разгона, система рекуперации воздуха по-прежнему пахнет горелой пластмассой в районе шпангоута номер четыре. Я сказал, что знаю, и попросил рассчитать стартовое окно на завтрашнее утро.

— Маршрут к Эреб-49? — уточнил Сол.

— Да.

— Стартовое окно — завтра в 06:14 по станционному времени. Оптимальный выход через третий шлюз. Расчётное время до цели с учётом разгона и торможения — двадцать три месяца. Из них около двадцати одного — крейсерский режим с криосном.

Двадцать три месяца. Почти два года в одну сторону, и столько же обратно, если будет куда возвращаться. Я знал эту цифру — сам считал на Лимбе, после того как получил координаты. Но услышать её вслух было немного другим делом.

— Занеси в маршрутный журнал как исследовательский рейс, категория — независимая экспедиция.

— Выполнено. Кэйн, — добавил Сол после короткой паузы, — в Навигационном реестре сектор Эреб-49 по-прежнему помечен как зона повышенного риска. Страховое покрытие на такие маршруты не распространяется.

— Знаю.

— Просто фиксирую для журнала.

— Зафиксировал. Спасибо.

Сол замолчал. Я пошёл собирать снаряжение.

* * *

Криокамера располагалась в кормовом отсеке, за технической переборкой. Я открыл её, осмотрел уплотнители, проверил температурный контур и систему подачи седативного газа — всё штатно. Потом достал из рундука личный аварийный набор и переложил его в боковой карман камеры, где он был бы под рукой сразу после пробуждения. Привычка, выработанная после третьего или четвёртого рейса.

Я закрыл камеру и вернулся в рубку.

* * *

Оставалось последнее, и оно было самым неприятным, потому что заставляло вслух признать то, что я предпочитал держать на заднем плане: я мог не вернуться. Не «теоретически, как из любого рейса», а вполне конкретно. Пятеро картографов ушли в Эреб-49, и ни один не подал признаков жизни. У меня не было причин считать себя удачливее них — кроме той единственной, двадцатилетней давности, которой я сам не доверял.

Если я пропаду, никто не свяжет это с Эреб-49. Маршрут лежит в журнале «Иглы», но журнал поднимут только по официальному запросу, а запрос на пропавшего независимого картографа подают месяцев через восемь, когда заканчивается срок контракта. К тому времени данные просто закроют ещё одной строкой про навигационную аномалию — шестой по счёту.

Я не собирался становиться шестой строкой. Поэтому открыл редактор и сел писать — медленно, потому что писать о таком я не умел и не хотел учиться.

Получилось примерно так:

«Если это сообщение пришло к тебе автоматически — значит, я не вернулся и не отменил отправку в срок. На тех расстояниях, куда я ушёл, спасти меня уже поздно, так что не пытайся. Я прошу о другом.

Я ушёл в сектор Эреб-49, координаты в приложении. Туда же за последние три года ушли пятеро: Карта Вессель, Имон Дакари и ещё трое по списку. Никто не вернулся. Все пять дел закрыты как навигационные аномалии, без единого расследования. Пять закрытых дел по одному сектору за три года — так не бывает случайно. Кто-то следит, чтобы туда не смотрели.

Двадцать лет назад я был единственным выжившим с картографа «Ареса». Шесть человек исчезли за секунду, без тел и без следов. Дело закрыли той же формулировкой. Я сверил старые координаты «Ареса» перед вылетом — он погиб в той же навигационной зоне, что и Эреб-49. Я не верю в такие совпадения уже двадцать лет.

Я не знаю, что там. Но оно убивает людей с тех пор, как я был молодым, и об этом упорно молчат. Не давай закрыть и моё дело. Не сдавай это в Реестр — Реестр всё это и закрывал. Передай тем, кто от Реестра и «Гелиоса» не зависит. Пусть смотрят.

Прости, что взваливаю это на тебя. Больше не на кого. — К.В.»

Я перечитал, убрал пару слов, которые звучали слишком жалобно, и зашифровал файл. Отправлять его с «Иглы» смысла не было — за пределами сети корабль нем, как камень. Поэтому я загрузил сообщение на ретранслятор Лимба, под отложенную отправку с таймером. Срок поставил пять лет: четыре уходило на дорогу туда и обратно, год оставался на запас и на самую экспедицию. Если я вернусь раньше — войду в зону сети и отменю отправку сам. Если нет — через пять лет Торн получит письмо, и дальше это будет его решение.

Адресатом я выбрал его не потому что мы были близки. Просто он единственный из всех, кого я знал, не стал бы это игнорировать и не нуждался в объяснениях — он сам понимал, что значит не вернуться с маршрута. Рассказывать ему заранее я не стал. Узнает, только если меня не будет.

* * *

Лёг в начале одиннадцатого. Не сразу заснул — лежал, смотрел в потолок каюты, слушал как «Игла» гудит своей низкой постоянной нотой. Этот звук я знал наизусть; за шесть лет он стал фоном, который замечаешь только когда его нет. В чужих каютах на транзитных станциях всегда была тишина, и в этой тишине первые ночи было немного не по себе. Здесь было правильно.

Я закрыл глаза.

* * *

Подъём в пять утра. Сол доложил навигационную обстановку: трафик умеренный, стыковочное окно свободно, солнечная активность в норме. Я выпил кофе стоя — садиться не хотелось, сядешь и начнёшь думать, а думать было уже незачем.

В 05:50 я вошёл в кормовой отсек. Снял куртку, повесил на крючок у переборки. Открыл криокамеру, лёг, подключил мониторинговые датчики к запястьям.

— Сол, старт по расписанию. После выхода на крейсерский режим — криосон, разбудить за шесть часов до торможения.

— Принято. Кэйн.

— Что.

— Удачного рейса.

Сол никогда раньше этого не говорил. Это не входило в его стандартные протоколы — я знал их наизусть. Я не ответил, просто смотрел в потолок камеры.

Камера начала закрываться. Через несколько минут пришёл холод — снизу, от спины, медленно и равномерно. Потом седатив. Потом темнота.

Последнее, о чём я подумал — что не помню, какая была погода на Земле, когда я последний раз стоял на ней перед тем рейсом двадцать лет назад. Лето или зима. Почему-то это казалось важным.

Я не вспомнил.

Глава 5 Источник

«Игла» отстыковалась от Лимба в 06:14 по стационарному времени и легла на курс, который аналитический отдел вычислил ещё до того, как корабль закончил разгон. Рива Эстес смотрела на навигационную проекцию в своём рабочем терминале и не испытывала торжества — только спокойную ясность человека, чьи расчёты подтвердились. Варро шёл в Эреб-49. Никаких сомнений, никаких отклонений на промежуточные цели.

Она оформила доклад за восемь минут: подтверждение курса, расчётное время прибытия, рекомендация продолжить дистанционное наблюдение по сигнатуре двигателя, пока корабль остаётся в зоне действия ретрансляторной сети. Поставила гриф, отправила куратору и откинулась в кресле, ожидая стандартного ответа — «принято, продолжайте».

Ответ пришёл через час и был нестандартным. «Зайдите в двести четвёртый. Лично.»

* * *

В новый блок Рива попадала каждый день и каждый день отмечала, до чего он не похож на остальную станцию. Здесь не пахло рециркуляцией — воздух гоняли через настоящие фильтры, с лёгкой отдушкой, которую кто-то наверху счёл успокаивающей. Полы не гудели, свет был тёплый, ровный, дорогой. За панорамными иллюминаторами висело то же звёздное поле, что и над старым ярусом, но отсюда оно смотрелось не угрозой, а видом — будто пустота снаружи тоже принадлежала «Гелиосу» и вела себя прилично.

Кабинет двести четыре был на уровне, куда аналитиков второго года обычно не приглашали. Куратора звали Дж. Морес — Рива за полгода работы так и не узнала, что означает инициал, и не была уверена, что кто-то знает. Невысокая женщина лет пятидесяти, с привычкой говорить ровно и смотреть собеседнику чуть выше переносицы, как будто читала что-то написанное на лбу.

— Садитесь, Эстес. Ваш доклад по Варро хороший. Точный. Поэтому я решила, что пора объяснить вам, ради чего вы его писали.

Рива села. Морес развернула к ней настенный экран, и на нём появилось изображение — не схема, не таблица, а реальный снимок. Участок пустого космоса, и в нём что-то, что Рива сначала приняла за дефект записи: область, где звёзды за объектом были видны не на своих местах, а будто сдвинуты, размазаны по дуге.

— Это сектор Эреб-49. Снимок сделан нашим зондом четырнадцать месяцев назад. То, что вы видите в центре, не имеет официального названия. Внутри проекта мы называем это Источником.

* * *

Морес говорила ровно, без пауз для эффекта, и от этого услышанное звучало ещё страннее.

— Зонд провёл в секторе тридцать один час, прежде чем замолчал. За это время он передал данные, над которыми наша физическая группа сидит больше года. Если коротко и без формул: объект нарушает второе начало термодинамики. Локально, в ограниченном объёме пространства, но нарушает измеримо. Замкнутая область, которая не теряет энергию. Совсем.

— Это невозможно, — сказала Рива и тут же пожалела, что сказала.

— Так и есть, невозможно, — согласилась Морес без тени раздражения. — Поэтому мы и потратили на это год и зонд стоимостью с годовой бюджет станции. Физики осторожно

говорят о замкнутых временных конфигурациях — пространство, свёрнутое так, что энергия циркулирует по кругу, не рассеиваясь. Теоретическая возможность, описанная ещё столетия назад, никогда не наблюдавшаяся. До сих пор.

Она убрала снимок и вывела короткую строку цифр, которые Риве ничего не говорили.

— Я аналитик, а не физик. Что для нас означают эти цифры?

— Они означают, Эстес, что если мы поймём принцип — хотя бы приблизительно, хотя бы на уровне инженерной копии, — то получим источник энергии, не теряющий ни джоуля. Не реактор, который жжёт топливо. Не батарею, которая садится. Замкнутый контур, который работает вечно. — Морес впервые сделала паузу. — Тот, кто это получит, перестанет зависеть от поясов, от добычи, от всего. Это не новая технология. Это конец прежней экономики.

* * *

Рива слушала и чувствовала, как внутри что-то не сходится. Она была аналитиком — несоответствия были её работой.

— Зонд замолчал через тридцать один час, — сказала она. — Почему?

— Не знаем. Связь оборвалась без деградации сигнала — не затухание, не помехи, просто конец передачи на середине пакета.

— А люди?

Морес посмотрела на неё ровно, чуть выше переносицы.

— Какие люди?

— Пять картографов за три года. Я читала сводки Реестра, когда поднимала фон по Эреб-49. Все пять дел закрыты как навигационные аномалии. — Рива выдержала её взгляд. — Это ведь не аномалии. Это тот же сектор.

Несколько секунд Морес молчала. Не растерянно — оценивающе, как человек, пересматривающий мнение о собеседнике в сторону повышения.

— Вы правы, что это тот же сектор, — сказала она наконец. — И правы, что это не аномалии. Картографы шли туда не случайно — каждому, как и Варро, кто-то присылал координаты. Мы не знаем кто. Это одна из причин, почему проект существует.

— Тогда почему дела закрыты?

— Потому что открытое расследование привлекло бы внимание к сектору. А внимание к сектору нам сейчас не нужно. — Морес произнесла это так же ровно, как всё остальное, и именно ровность задела Риву сильнее всего. — Пять человек погибли, Эстес. Это плохо, и мне это не нравится. Но они погибли, разыскивая то, что может изменить положение миллиардов. Иногда цена знания выглядит именно так.

* * *

— Ваше задание не меняется, — продолжила Морес. — Наблюдать за Варро, пока он в зоне сети. Дальше он уйдёт в тишину на два года, и до его прибытия в сектор мы всё равно ничего не узнаем. Но когда он там окажется — если он, в отличие от пятерых, сумеет что-то передать или вернуться, — вы будете тем человеком, который первым прочитает его данные. Вы уже знаете контекст лучше всех в отделе. Поэтому я и позвала вас, а не кого-то старше.

Это было повышение во всём, кроме названия, и полгода назад Рива была бы счастлива. Сейчас она поймала себя на том, что думает не о карьере, а о строке из сводки Реестра: «Дакари, Имон, картограф. Статус: пропал без вести. Дело закрыто за отсутствием перспектив расследования».

— Можно вопрос не по протоколу?

— Можно.

— Варро отправляли координаты, как и остальным. Мы это знаем. Мы могли его остановить — предупредить, перекупить контракт, что угодно. Почему не остановили?

Морес собрала проекцию одним движением ладони. Экран погас.

— Потому что пятеро не вернулись, а нам нужен шестой, который вернётся, — сказала она. — Идите работать, Эстес. И постарайтесь не привязываться к человеку, за которым наблюдаете. Это всегда заканчивается плохо для наблюдателя.

* * *

Рива вернулась в свою каюту, но работать не стала. Села перед иллюминатором, за которым висело то же спокойное звёздное поле, что и всегда, и впервые подумала о нём не как о красивом фоне, а как о расстоянии. Где-то в этом поле «Игла» уже набирала ход, везя одного человека к месту, откуда не вернулись пятеро, — и корпорация, на которую Рива работала, знала об этом и просто смотрела, как он уходит. Как смотрела она сама, восемь минут оформляя доклад.

Она не уволилась в тот вечер. Не сделала ничего, что сделал бы человек из правильной истории. Просто сидела у иллюминатора дольше обычного и думала, что у неё есть почти два года, прежде чем Варро доберётся до сектора. Почти два года, чтобы решить, на чьей она стороне, — если у этой истории вообще окажутся стороны.

Потом задёрнула шторы и легла спать. Утром снова был доклад, и фон по Торну, и обычная работа. Сомнение никуда не делось — оно просто стало частью фона, как гул вентиляции, который замечаешь только когда он смолкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.